

Глава 12. Переезд

Не требовалось сообщений от посторонних лиц, чтобы Чэн Шаошан поняла – вопрос с Гэ-ши, пожалуй, уже улажен. Не только пропали ее пронзительные визги, возникающие ежедневно и в любое время, но и в день переселения она также не видела вторую тетушку.

Переезд – это важное событие, и следовало бы в нем участвовать всей семьей сообща, только госпожа Сяо не ожидала никакой помощи ни от матушки Чэн, ни от Чэн Шаошан. Ни на кого не обращая внимания, шаг за шагом она расставляла все в новом жилище: спокойно перевозила домашнюю утварь и обстановку, приводила в порядок парковые растения и цветущую зелень; в каждой комнате протапливала печи, нагревая их в течение нескольких дней, все эти вещицы, инкрустированные золотом и серебром, к которым так привыкла матушка Чэн, были перевезены заблаговременно, ведь все отстояло и не так уж и далеко от них.

В тот день, когда состоялся переезд, солнце еще даже не взошло на небе, как Чэн Шаошан разбудили. Еще отупевшая от сна она была поймана А-Чжу, тепло одета, накормлена, лишь после этого ей накинули на плечи толстую меховую мантию (новый подарок от воодушевленного отца Чэна), и только тогда усадили в паланкин, занавесив со всех сторон, и приготвили идти.

Чэн Шаошан осмотрелась вокруг, увидела любительницу золота – матушку Чэн, хромого второго дядюшку – Чэн Чэна, застенчивую старшую двоюродную сестру – Чэн Ян, частично уже находившихся в руках носильщиков, даже сонный маленький младший двоюродный брат – Чэн Оу, в объятиях своей няньки, ехал, поднимаясь над вереницей пешеходов, цепочкой направлявшихся к воротам.

Все люди, к счастью, были если и не худощавыми, то маленькими и юными, лишь упитанная и монументальная матушка Чэн вполне могла заменить двух с половиной нянек. Госпожа Сяо заранее все подготовила, сознательно дополнив ее окружение несколькими богатырского сложения сильными воинами, а не обычными служанками, несущими по двое паланкин, они немного покачивались, словно лилии на ветру, капли дождя беспрестанно стучали по листьям бананов... ах, поздравляю цветоводов двадцатого века, с радостью встретивших обильный урожай.

Чэн Шаошан, хорошо переносившая мороз, даже когда выдыхала белый пар, посматривала назад на носилки, высовывала голову и смотрела по сторонам, и – в ее сердце время от времени вспыхивала сильная радость. Сопровождавшая ее в числе прочих, сбоку от носилок, А-Чжу посмотрела и сказала:

–Княжна, немедленно вернитесь назад, незачем сокрушаться по своей бабушке – она весьма крепкая.

Чэн Шаошан:

–...

В это время серовато-синий небосвод похожий на отрез шифона, по обе стороны носилок крепкие слуги несли в руках либо горящие факелы либо бумажные фонари, и трескучий мороз в утреннем воздухе только подчёркивал свет от факелов, озаряющих округу, эта картина была весьма похожа на состояние сна, отчего Чэн Шаошан невольно была сама не своя.

В действительности же из дома семьи Чэн в дом семьи Ван можно было пройти через небольшие ворота, и такой путь был намного ближе; вот только переезд в другой дом – это важное дело, разумеется, нельзя так просто его обставить – люди относятся серьезно к этому, поэтому все спокойно вышли из небольших ворот дома семьи Чэн, затем с еще более серьезным видом кружным путем вошли в главный вход поместья семьи Ван.

Чэн Ши с женой уже находились около распахнутых ворот главного входа и, вежливо улыбаясь, всех встречали. Рядом была стража, стоявшая в две длинные симметрично расходившиеся шеренги возле портика и отдельно от них служанки с переносными фонарями, наблюдавшие за всем в глубине открытых ворот, а группа, носившая звериные маски и одетая в пять основных цветов, с вплетенными в их наряды перьями, эта группа людей, изгоняющих демонов, уже преклонила колени и ожидала внутри. Чэн Ши, увидевший подходящую толпу, поспешно вышел навстречу, сам помог матушке Чэн спуститься вниз, а позади Чэн Чэну и нескольким детям помогли спуститься служанки. Матушка Чэн в сердце своем была рада, остановившись, она сказала:

-Такой морозный день, мой сын может замерзнуть, что мешает начать представление раньше?

Чэн Ши сказал со смехом:

-Уважение к старшим. Кто дерзнет начать представление? Дерзость – быть непочтительными к родителям, небо не позволит этого, – и поднял палец к небу, как бы подтверждая, что его помыслы искренние.

Сзади замерзая и дрожа от холода, Чэн Шаошан, разозлившись и презрительно закатив глаза, подумала: "Ты сейчас хорошо говоришь, но разве несколько дней назад вы, мать с сыном, не выясняли отношений, устроив драку на глазах у многих?"

Тем временем Чэн Ши взмахнул рукой, дав старт большой постановке изгнания демонов и призыва добрых духов, с древними напевами и звуками бряцания железных тамтамов; Чэн Ши, поддерживая матушку Чэн, повел ее внутрь, люди, изгоняющие демонов, всё время шли недалеко от них – пели и скакали, за ними следовали и другие шаманы, и весь путь громкими голосами они кричали, собственно изгоняя демонов зла и призывая добрых духов, поздравляя с новым годом. Хотя еще не рассвело, но факелы в округе освещали все так, как если бы был белый день.

Матушка Чэн была из крестьянского сословия и ещё ни разу не встречала подобного в своем мирке – никогда не видела такой помпезности. Дожидавшийся всех на берегу пруда перед плакучей ивой посланник Чэн Ши должен был специально разбить толстый лед, уже покрывавший водную поверхность, чтобы потом отдать ведро матушке Чэн с «живой рыбой» (и было непонятно, то ли она заснула, то ли она замерзла), та выпустила бы ее на волю, а после люди вокруг одновременно, отвечая требованиям текущего момента, подобающе и весьма

бурно выразили бы восторг. Занимаясь легкой показухой, матушка Чэн была крайне довольна, больше она не помнила о какой-то семье Дун и семье Гэ, только лишь понимала, что ее собственный сын – почтительный и послушный, и достаточно того, чтобы она, как бывало в прошлом, не провоцировала бы Сяо-ши и всё будет хорошо.

Чэн Шаошан в первый раз увидела резиденцию того периода, принадлежащую высокопоставленному сановнику, она, конечно же, не могла сравниться с масштабами великих царских угодьев в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, однако помериться масштабами с лучшими княжескими угодьями ее родного города – без проблем. Относительно же архитектурного стиля – он был не похож на то, что она видела прежде в нежных и теплых парках на правом берегу реки Янцзы, как и не походил на возвышавшиеся гигантские замкнутые усадьбы богатых торговцев в северном Китае.

Здесь дома создавались монументальными, крепкими и широкими. Коньки крыш – прямые как стрелы, карнизы крыш – светлые, все здания выровнены перпендикулярно и горизонтально, промежуток друг от друга четко отделен, пусть это даже обычная пустынная местность, не говоря уже о главном доме, даже второстепенный парк или беседки и павильоны, все это имело некое поразительное чувство симметрии. Квадрат – только квадрат, круг – только круг, прямая – прямая как стрела, ширина – широкая и ровная, и не было даже намека на претенциозность.

Жилище целиком навряд ли можно было назвать бескрайним и величественным, однако наполненное своеобразной простотой и практичностью смотрелось классически прекрасно.

Прибыв в новый дом, хозяин семьи опять резал домашних животных, совершая обряды и приношения божеству плюс к этому и предкам семьи Чэн, все собравшиеся то преклоняли колени, то поднимались, то нужно было, следуя за Чэн Ши, читать вслух причудливые слова рифмованной прозы. Чэн Шаошан в настоящее время не имела ни малейшего представления о верованиях той эпохи, но заметила, что здесь не было бодхисаттвы Гуаньинь, Дицзан* и Будды, и про себя сильно изумилась этому. Все еще слабая после болезни, она, воспользовавшись случаем, прислонилась к А-Чжу, находящейся рядом, сделав себе легкую передышку, по сравнению с находившимся на руках няньки и заснувшим младшим кузенком она была немного упрямее, но даже это вызвало у госпожи Сяо недовольный взгляд, когда она повернулась посмотреть на нее.

* 地藏 dìzàng – Дицзан один из четырёх наиболее почитаемых бодисатв; божество земных недр.

Так, в суете, прошли два полных часа, полностью же церемония была завершена только к середине дня. Матушка Чэн по-прежнему была в приподнятом настроении, свободно и неторопливо она поднялась с молитвенного коврика, рядом бабушка Ху с сожалением признавала свою несостоятельность по сравнению с прочими людьми.

Матушка Чэн смотрела, повернув голову назад, чуть-чуть нахмутив брови, – такой большой главный зал, и он выглядел еще более большим из-за малочисленности семьи Чэн, в результате она разгневалась про себя и хотела отругать невесток, но Гэ-ши была заперта в своих комнатах, третья невестка Сан-ши находилась в дальних краях, и лишь жена старшего сына –

Сяо-ши была здесь. Однако, если сын проявит свой упрямый характер, он ведь может сказать что-то подобное: «Юанъи имеет четверых сыновей, матушка, ты только троих, и ты упрекаешь ее? Лучше уж сначала упрекай себя. Сын полагает, прародители семьи Чэн, несомненно весьма удовлетворены Юанъи», да еще и при всех, это будет выглядеть некрасиво.

Матушка Чэн, напрягая силы, сдерживала свой язык, развернувшись, она спросила у бабушки Ху:

–Почему бы не пригласить гостей? Наша семья такая малочисленная.

Бабушка Ху улыбаясь сказала:

–Господин еще не получил вознаграждение от императора, при теперешнем положении какой смысл приглашать гостей. После получения ранга можно обильно угостить гостей, разве это не было бы замечательно? И тогда придет время, когда денежные подношения будут более многочисленными ... я об этом тайком слышала. Но в будущем Вы и не подумайте упоминать о денежных подношениях и тому подобном, потому что меня потом могут подвергнуть наказанию.

Матушка Чэн с сияющим лицом энергично закивала. За ее спиной была Чэн Шаошан с А-Чжу рядом, не оставлявшая мысли, что находится при смерти (хотя просто утомилась), думая, что предположим, если она не умрет от болезни, то наверняка попадет в рейтинг TOP-3 коэффициента умственного развития семьи Чэн.

В следующие несколько дней матушка Чэн все же была не в силах сдерживаться, возбужденно и беспорядочно ходила по дому, от всего сердца восторгаясь и любуясь этим местом, которое она уже всем сердцем одобрила и своим жилищем с внутренним двором в придачу. Вспомнила пожилую госпожу Ван, когда-то сидевшую в этом павильоне, и даже если дул и выл северный ветер, она страстно желала просиживать в нем целыми сутками; вспомнила, как пожилая госпожа Ван когда-то созерцала с берега пруда рыбок и любовалась плакучей ивой, и она страстно захотела надеть на ивовую ветвь рыбку и, греясь у огня, съесть ее; подумала, как пожилая госпожа Ван проживала в главных комнатах дома и какова была ее грозная манера держаться, и тогда она, сжав в руках плетеную лежанку, не желала вставать с места. Чэн Ши с женой были весьма довольны таким положением дел, ведь в семье Чэн воцарилась невиданная гармония.

Второй дядя Чэн получил спокойное и элегантное место, рядом с небольшой мансардой в пару этажей, вполне подходящей для библиотеки, хотя сейчас имелся только двухъярусный дом без каких-либо книг. Не было Гэ-ши, шумевшей и ругавшейся, прошло немного дней, а у второго дяди Чэна даже лицо посвежело, сосредоточившись в то время на еде, он неожиданно стал в состоянии вести легкую беседу несколькими фразами, встречая и принимая плоские шутки главнокомандующего Чэна.

Чэн Шаошан получила один из изящных двориков, перед ним были цветы и деревья, позади – бамбуковая рощица, с одной стороны проходящая насквозь дорожка была вымощена белыми булыжниками, все было очаровательно и элегантно, поблизости, по соседству находилось пустое большое здание, в нем сейчас ничего не было, возможно в ближайшем будущем его

можно было использовать для ее приданого, если в самом деле речь зашла бы о ее замужестве и отъезде. Единственным недостатком было то, что она была чересчур близка от места жительства Чэн Ши и его жены, если бы она рассчитывала что-либо сделать, госпоже Сяо незачем было бы использовать магическое облако Сунь Укуна*, она бы настигла ее за короткий срок.

*☁ jīndōuyún – магическое облако Сунь Укуна (из романа "Путешествие на Запад").

В повседневной жизни ничего не происходило, Чэн Шаошан продолжала лечиться в установленном порядке, из-за того, что ее тело было слабое, она не достигла каких-либо успехов в учебе и культурном просвещении, вследствие этого продолжала оставаться неграмотной, а все свое свободное время просматривала бамбуковые дощечки, угадывая иероглифы. Не прошло и нескольких дней, как отец Чэн в обеденное время за столом с чаем и пирожными, преисполненный радости, сообщил всей сидящей толпе, что император не только наградил его, повысив ему чин, с жалованием в тысяча даней, кроме того он предоставил ему титул – хоу* Цюйлин.

*侯 hóu хоу – наследственный титул знати второго из пяти высших классов. Также так называли феодалов, удельных князей.

Чэн Шаошан захлопала в ладоши смеясь:

–Батюшка определенно был там, на Цюйлин, и выиграл крупное сражение, его заслуга была огромна в этом.

Чэн Ши, смотря на ставшее в последнее время румяное лицо дочери, в душе радовался, и сказал со смехом:

–Как раз нет, в тот раз стычка при Цюйлин была маленькой; в самом деле, когда речь заходит о чем-то таком, все-таки на сей раз в уезде Иян, твой отец был намного более успешней ... охо-хо, великая битва была в уезде Иян, вот о чем идет речь! – он пригладил бороду, тяжело вздохнув, уносясь в прошлое. – Действительно, как здорово, как здорово было!

Сидевшая на почетном месте на стуле матушка Чэн опустила чашку с ушками, недоуменно сказав:

–В таком случае из-за чего пожаловали моему сыну титул хоу Цюйлин? Почему бы не дать титул хоу Иян? – сидя рядом с ней, чтобы прислуживать ей, Чэн Ян молча опустила голову, тихонько подлив в чашку пахту, ее покладистое поведение заметила сидевшая сбоку госпожа Сяо и, смотря на нее, незаметно кивнула головой.

Чэн Ши хитро сказал:

–Няня, угадаешь почему?

Чэн Шаошан наклонила голову, размышляя, промолвила:

-Прежде батюшка рассказывал мне, что Иян является стратегическим населенным пунктом, мощным укрепленным городом, бои в нем были яростными, и эта битва была той, что скрепила мир, хм... - ее взгляд загорелся, - имя хоу Иян его величество пожелал оставить кому-то другому.

Госпожа Сяо отложила палочки для еды, нахмутив брови, она смотрела вдаль.

Чэн Ши стукнул кулаком по столу в изумлении, горячо хваля:

-Наша Няоня умна, в настоящее время хоу Иян и есть главнокомандующий Хань! - повернувшись к матушке, Чэн он сказал: - Хотя и положим, что я всего лишь хоу внутривенных земель, однако это тоже неожиданное преимущество, каждый год, кроме того, император будет жаловать меня наградой. Старший брат из семьи Ван как раз был награжден с повышением, сделавшись владетельным князем, и ему был пожалован один уезд.

Матушка Чэн не в силах сдержать радость, беспрестанно восторгалась:

-...в таком случае мой сын, какой сейчас у тебя чин?

Чэн Ши и его жена бросили друг на дружку взгляд, оба понимая ситуацию. Госпожа Сяо сказала со смехом:

-Не так быстро. Как-никак придется вопрос пожалования владений отложить, генерал Ван только сейчас вступил в должность правого генерала. Увы, но в этот раз он травмировал ногу, не знаю, будет ли он впоследствии снова сражаться...

Чэн Шаошан увидела выразительный взгляд между Чэн Ши с супругой, не спеша положила ложку из японского лакового дерева на небольшой столик рядом с собой, матушка Чэн была недовольна словами госпожи Сяо, она косо посмотрела на нее и сказала:

-Что ж такое, в семье Ван уже так много имущества и такой высокий титул, не идти в бой. Мне напротив хочется надеяться, что мой сын больше никогда не будет воевать, сражаясь на смерть, - с этими словами подняла чашу за два ушка и выпила одним глотком, рядом с ней Чэн Ян дала ей еще одну наполненную наполовину чашу и почтительно сказала: - Скоро будет ужин, бабушка выпила много пахты, боюсь, что не сможет хорошо поесть за ужином.

Матушка Чэн подумала, опустила чашку, не отпив из нее, смеясь сказала:

-Ян Ян очень почтительна к старшим, - и говоря с умыслом посмотрела на Чэн Шаошан.

Кто же знал, что Чэн Шаошан, искрясь улыбкой скажет:

-Ой, и правда, старшая двоюродная сестра не только питает любовь и преданность к старшим в семье, но и очень хорошо умеет работать, мне стало известно, что последние несколько дней за вторым дядей и младшим Оу ежедневно присматривала старшая двоюродная сестра, никто не говорит ничего плохого о ней.

Матушка Чэн еще думала, что ей ответить, откуда было знать, что Чэн Ши, изменившись в лице и холодным голосом перебив, сказал:

-В свое время Гэ-ши отослала Ян Ян обратно в дом своих родителей, еще в пеленках, а прежний старый господин Гэ больше склонялся к домашнему воспитанию детей в духе добродетели и благочестия.

Со слезами на глазах Чэн Ян лишь низко сидела на коленях, не осмеливаясь возражать, у Чэн Шаошан появилось внезапно мысль: «Ой-ой! Я, похоже, сею раздоры как злодейка второго плана в фильмах». Интересное ощущение. Госпожа Сяо не смогла вынести этой атмосферы, тепло промолвила:

-Ян Ян хороший ребенок, девочкам из семьи Чэн следует быть похожей на нее и только так будет хорошо, - говоря это дерзко глянула на мужа, не разрешая ему вернуться к этому вопросу и продолжить говорить, матушка Чэн смущенно закрыла рот.

Чэн Шаошан потупилась, медленно потягивая теплое рисовое молоко, про себя смеялась над собой, что сама в глубине души и впрямь до сих пор все та же собирающаяся на альтернативную службу мелкая крутая школьница, совсем не добросердечная, впрочем.

Покончив с чаем и пирожными, Чэн Ши с супругой поклонились, попросив разрешение уйти, Чэн Ян продолжала выражать почтительность к старшим, а Чэн Шаошан, не притворяясь и не стесняясь, последовала за своими родителями из Обители Милосердия - в свое время генерал Ван дал такое название месту проживанию своей матери.

Новый дом был огромен, для того чтобы вернуться обратно из Обители Милосердия к месту жительства супругов нужно было пересечь пять-шесть галерей, одно открытое пространство, облицованный плиткой пустырь, но на полпути следующая позади Чэн Шаошан внезапно сказала:

-Батюшка, вам по-прежнему требуется выступать в военный поход?

Впереди шедший Чэн Ши испугано подскочил, оглянулся назад и сказал:

-Что ты говоришь! - поспешно взглянул на шедшую госпожу Сяо, говоря со всей душой глазами: «я не говорил ей».

Госпожа Сяо взмахнула рукой, удаляя с левой и правой стороны служанок, невозмутимо посмотрела на дочь, сказала:

-Откуда ты знаешь? - она также не скрывалась.

-Догадалась, - сердце Чэн Шаошан на мгновение пропустило удар, сморщила свой очаровательный лоб, - титул и богатства были пожалованы из столицы, думается, батюшка на этот раз оказал настоящую услугу, однако совсем некстати он не имеет чиновничьего места. Я

вижу батюшкино выражение лица, и непохоже, что это неожиданно для него либо он встретился с каким-то притеснением, даже если стоящие над батюшкой... батюшка, имеется ли угроза? Сейчас в доме чего-то не хватает? Если можешь отказаться – откажись, – это были искренние слова, в этом доме, не считая А-Чжу, она больше всего любила батюшку Чэна.

–Мой ребенок поистине самый умный! – Чэн Ши услышал в детском голоске младшей дочери наивную заботу, и на сердце его потеплело, он начал смеяться; вместе с тем внимательно окинув взглядом жену, спешно сказал: – Не волнуйся, в этот раз не совсем и война, отправляемся в путь в следующем месяце после Чжэнданя. Твой организм не совсем еще здоров, немедленно возвращайся в свою комнату отдыхать, чтобы не простудиться заново.

.....

Вернувшись в главную усадьбу, Чэн Ши сбросил свои плотные парчовые одежды и с укором сказал:

–Ты должна лучше относиться к Няоняю, она испытывала несправедливость несколько десятков лет, не стоит всегда расхваливать Ян Ян, она еще дитя и слушать все это ей совсем не весело.

–Она до настоящего времени в общем-то в этом мире пребывает тринадцать лет и несколько месяцев и только в трехлетнем возрасте мы расстались, откуда взялось несколько десятков лет! – повысила голос госпожа Сяо и сейчас же высказала: – Неужели Ян Ян не следует похвалить!

Она взяла длинный халат Чэн Ши, сказала:

–Родная мать ее никчемная дура, но лишившись такого важного для себя человека, она не жалуется, не испытывает ненависти, держится с достоинством, ежедневно занимается и своими делами, и делами окружающих. Сейчас повседневная жизнь второго младшего брата с Оу`эр такая, именно потому, что она присматривает за ними. Уважает отца, заботится о младшем брате. Ты не знаешь, но Оу`эр все эти дни совсем не безобразничал, каждый день она узнает новое слово, опасаясь, что по сравнению с твоей дочерью она нечто большее? Не говоря уже о втором младшем брате, говорить об этой девочке можно лишь расхваливая ее. Однако посмотри на Няоняю...

–А что же делать с Няоняю! – недовольно сказал Чэн Ши. – Ян Ян с детства кто-то обучает, кто же обучал Няоняю? Молодая жена пожилого господина Гэ в нашей деревни была повсюду известна как мудрый и добродетельный человек, да и знания старого господина Гэ не плохи. Когда-то, он сам присмотрел невестку для старшего сына, израсходовав чуть менее половины домашнего имущества на сговорные деньги родителям невесты, и только тогда получил ее. Разве Ян Ян могло быть плохо оставаясь рядом с ней? Наша Няоняю намного больше вызывает жалость, следуя примеру такой дряни!

Госпожа Сяо не говорила ни слова очень долго, затем сказала:

–Вызывающая жалость, но тоже должна учиться, в противном случае...

-Что же в противном случае, – сказал с улыбкой Чэн Ши, – она настолько умна сама по себе, угадывая, что находится в нужном месте, схватывает все на лету. Поэтому, намереваясь жениться, лучше взять в жены за себя умную – для детей хорошо!

-Что толку быть умной, главное – честный характер...

-Это не обо мне, мое моральное качество – честность! Пусть Няоняо будет умна – как ты, а моральными качествами и честностью вся в меня! – Чэн Ши, хлопая себя в грудь, расхохотался.

Госпожа Сяо проглотила слова, мгновение она смотрела ясным взглядом на мужа, потом потупилась не зная что и думать, долгое время необъяснимо вздыхала.

За дверью госпожа Цин Ли, принеся горячую воду, остановилась на месте, слушая последние несколько фраз и вздыхая.

В свое время пожилую госпожу Сяо нельзя было назвать глупой, она избегала таких вещей, как досаждать своим поведением, становясь поводом для разговора. Она угадывала намерения людей, уклоняясь от ответственности, и это было не что иное, как гибкость ума. Только это были лишь уловки, и у неё полностью отсутствовала мудрость, кроме того, ее маленький умишко был направлен только на себя, она тревожилась только о себе, интересовалась только людьми, прислуживающими ей, выпрашивала комфортную жизнь для себя и была натурой слабой и нежной, а потом в одно прекрасное утро перед лицом опасности она не смогла ни с чем справиться.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2726431>